

Демаркационные линии образования

Коллегам в День дурака

Во времена моего директорства модным было проводить вечера встреч выпускников. Сейчас, насколько мне известно, не так. Почему – не знаю. Может, потому что развлечений существовало меньше. Может, коллективизм, заложенный в пионерии, в те времена еще до конца не выветрился, да и компьютеры не растолкали нас всех по углам. Одним словом, одноклассники встречались не виртуально, а вживую, шумно, весело, озорно. И главное, непременно в школе.

Директора же и учителя, хоть и разделяли максимум Дмитрия Ивановича Менделеева относительно того, что «*Вся гордость учителя в учениках, в росте посеянных им семян*», но умозрительные картины присутствия в школе не зависящих от них взрослых людей не вселяли никакого оптимизма. Они долго сопротивлялись, но потом немного льстивое давление заматеревших выпускников порождало в педагогах родительские, ностальгические чувства, они таяли и... соглашались.

Анатолий КАСПРЖАК,
*директор Центра развития
лидерства в образовании
Института образования
НИУ ВШЭ*

Случались встречи выпускников и у нас в Педагогической гимназии. Однажды на новогодний вечер в школу пришли инициаторы подобного мероприятия, предложившие провести встречу первого апреля, добавив, что только отчаянные дураки могут хотеть прийти в свою школу через много лет после ее окончания.

«Почему так?!» – задал я сам себе вопрос тогда, в 95-м. Почему именно такое мнение об отечественной (а не той, которую заканчивал) школе бытует в умах наших сограждан? Попробую по-

рассуждать на эту тему сегодня, два десятка лет спустя, когда переживания уже не так остры, а память еще сохранила не только фактологию, но и чисто человеческие ощущения от пережитого. Причем и как учителя, и как ученика.

В классической оперетте, как известно, на сцене всегда присутствуют две пары: лирическая (первая) и вторая, любимая всеми, веселая и неунывающая каскадная. Как, впрочем, и в школе, где тяжелые трудовые будни разбавлены походами и поездками, театральными постановками и соревнованиями, просто тусовкой. То есть в ней, как в комической опере, присутствует драматически-лирическая, приготовленная взрослыми обя-

зательная часть: вся из себя правильная, с заранее прочерченной для тебя дорогой и запрограммированным исходом, и собственно образование, богатое событиями, режиссером которой является сам школьник. Там, в ладно сбитом обязательном образовательном пространстве «...Посредственный *учитель* излагает. Хороший *учитель* объясняет. Выдающийся *учитель* показывает. Великий *учитель* вдохновляет»¹. Здесь, в «размытом образовательном», речь идет не об учителе, а *ученике*. Сначала маленьком, а потом и не таком уж маленьком человеке, но неизменно со своими собственными переживаниями, радостями и горестями, победами и поражениями.

¹ Уильям Хамбл Уорд, 2-й граф Дадли (1867–1929) – британский государственный и политический деятель.

Что лежит между этими двумя пространствами? Чаще всего – демаркационная линия, тщательно охраняемая. С одной стороны – учитель в костюме, школьник в форме готовятся к ЕГЭ, с другой – два нормальных человека обсуждают интересные их вещи, учась друг у друга, готовятся к дальнейшей совместной жизни. Замечу при этом: два этих пространства конфликтуют, находятся в состоянии холодной войны, антагонистических противоречий, бушующих в... нашей собственной голове. И только! Всё, как водится, по Булгакову.

Вы никогда не задумывались над тем, что вся школа наша российская держится на таких линиях? **Демаркационная линия первого уровня пролегает между учителем и классом.** Она проходит по учительской кафедре, которая в лучших образцах отечественного педагогического зодчества возвышается на подиуме и прикручена к полу, для надежности. «Главная демаркационная» отделяет рабочее пространство класса от его лобного места – доски. Именно сюда, по сложившимся правилам, следует вытащить несчастного ученика (переход через Рубикон добровольно-принудительный, как известно) и сделать так, «дабы дурь каждого всем видна была». Публичная демонстрация интеллектуального превосходства подкрепляется правами старшего (не могу написать «учителя»), помноженная на бесправие школьника. Здесь молодой гражданин учится говорить то, что надо, а не то, что думает, учится для жизни, если жизнь – суровая школа.

Умирать буду – не забуду свои ответы на уроках французского, когда каждый мой огрех, неточность в ответе сопровождалась хлопком ладони учительницы по столу. Сила удара соответствовала степени моего грамма-

тического невежества. Каждый хлопок вызывал озноб и легкое головокружение, ладони потели, язык присыхал к небу. Не здесь ли надо искать причину всем известной лингвистической раскованности наших соотечественников, которым в зарубежье легче объясняться с портье жестами, нежели сделать грамматическую ошибку?

К счастью, эту демаркационную линию мне удалось в свое время преодолеть, но не в классе. Было это во время экскурсии по Москве, проведенной мной на французском языке иногородним соученикам. Увлеченно материал, заинтересованность в нем тех, кто меня слушал. Не знаю о количестве и качестве совершенных ошибок, но меня поняли, и... я заговорил!

Много лет спустя я оказался в Англии. Частные школы чередовались с государственными, загородные следовали за городскими, светские и конфессиональные, престижные и рядовые – интересно страшно. Все в них казалось вроде бы так и не так, как у нас, одновременно. И вдруг я понял то главное, что отличало эти образовательные храмы от российских собратьев: здесь практически никогда парты не стояли рядами (**демаркационные линии второго уровня**). Ведь они расставлены у нас именно так, чтобы за учеником легче было присматривать, лишая его своего собственного личного пространства. Какая уж тут педагогика сотрудничества. Так и хочется привести слова знаменитой шведской публицистки, известного педагога Эллен Кей: «Когда я слышу педагогические рассуждения и громкие слова “самодетельность”, “индивидуальное развитие”, “свободный выбор”, – все это напоминает мне музыку при жертвоприношении людоедов»². Только вот ска-

заны они в... 1905 году. Не припозднились ли мы с переменами, коллеги?

Но вернемся к нашим линиям. Причем не в классе, а к пролегающим между обучением и образованием. Не классом ведь единым, как говорится в предании, «сильна» российская школа. Советская ее предшественница научилась, как известно, соединять школу с жизнью и практикой коммунистического строительства. Непонятно, правда, что с чем, почему и зачем надобно было соединять, но проникновенно и пафосно, а вот мы... Мы никак не можем понять: живое знание, то, которое не только в голове, но и в языке, в глазах, в пальцах, то, которое работает, ну никак не может родиться в правильных школьных аудиториях. Школа, как говорил Уинстон Черчилль, не имеет ничего общего с образованием. Это институт контроля, где детям прививают основные навыки общечеловеческие.

Так что же такое собственно образование? Это я ощутил (не понял) при участии школы, но вне ее.

Вторая половина 80-х, город Вильнюс. Мы с коллегой на экскурсии со школьниками. Время для посещения «советской заграницы» выбрано, как потом выяснилось, не самое подходящее. До саперных лопаток еще не дошло, но глоток горбачевской свободы уже опьянил наших бывших соотечественников.

Два молодых учителя стояли на площади, около башни Гедиминаса и тихонько разговаривали о чем-то со школьниками. Понятно – на русском языке. Данный факт не остался незамеченным окружающими. Постепенно вокруг нас начали собираться местные жители, причем, это было ясно, не с самыми дружескими намерениями. Мы притихли. И тут Михаил Владимирович Левит – блестящий историк-энциклопедист и, как

² Эллен Кей. Век ребенка. Издание Д.Ефимова. М., 1905.

все настоящие учителя, чуть-чуть сказочник, смекнув, что «дело пахнет керосином», начал неторопливо рассказывать об истории Великого княжества Литовского. Он говорил о литовских князьях, сражении с тевтонами при Грюнвальде, народе, непростых отношениях с пруссаками, поляками и русичами. Наши наблюдатели постепенно затихли, а потом... раздались аплодисменты.

Не уверен, что в голове школьников что-то из услышанного осталось, но вот общая картина события, как и сама ситуация, засели у учеников, думаю, надолго. Переживая еще и еще раз эту, в общем-то, социальную катастрофу, в гуще которой они оказались, бывшие ее участники уже никогда не станут рубить с плеча, услышав мнение знатных телевизионных пропагандистов всех мастей относительно очередного межнационального конфликта. Задумаются о последствиях введения единого учебника истории в условиях многонационального государства. Ведь учебник этот, единый во всех отношениях, должен будет обеспечить не только нерушимость системы (не страны), но и быть принятым представителями разных этносов и культурных слоев, Родину нашу Великую населяющих.

Да, подумал я тогда, на площади, переведа дух. Да, понимаю сейчас: это была именно она – волшебная сила образования.

Третья демаркационная линия пролегает, на мой взгляд, между тем, что в школе можно и что должно. Можно, как принято считать, усердно учиться (это про ученика), приветствуется, если ему вовремя «дают» консультации (это про учителя). Классный руководитель считается «классным», если он выстраивает систему слежения за перемещением подопечных так, что личная жизнь последних ску-

живается до размера, гарантирующего выпускнику юношеский инфантилизм и полное отсутствие самостоятельности. Но по другому-то учитель не может, так как его «учительская привычка» сама собой создает условия, в которых природному детскому таланту не раскрыться, если он не равен по силе ядерному взрыву. Ведь учителя и/или классного руководителя государство и родители подписали в ответственные не только за жизнь и здоровье подопечного, но и за образ их мысли. Он, учитель, в данной ситуации вынужден жестко определять правила педагогической (не образовательной) игры, где, как говорил футбольный тренер победителей Валерий Лобановский, главное – счет на табло.

Вот и пытаемся мы «скрестить» идеал общества без школ с идеалом поголовного приобщения к школе, насаждая школы без образования³. Но образование – это не выучка, не формальная работа на результат, оно может случиться только там, где есть взаимное доверие, взаимный интерес, наличествует такая человеческая игра между проникнутыми взаимным уважением Учеником и Учителем. Уверовать в это мне посчастливилось рано, на заре учительской карьеры.

Как-то на рубеже семидесятых-восьмидесятых мы объявили туристический слет. Была произведена масштабная подготовка. Старшеклассники, прикрепленные к младшим, с неделю устанавливали с подопечными палатки в школьном дворе, мамы и папы с детьми изобретали меню конкурсного обеда, робко намекая о своем желании присоединиться к финальной части события. Наконец, сотни три школьников, простояв на ухах учебную неделю (представляете, что выслушали

³ Роберт Хатчинз (1882–1945) – американский физик и инженер, один из пионеров ракетной техники.

мы от крепких предметников?), выдвинулись в подмосковные леса. Сопровождали их... два педагога, пионерский вожатый и несколько родителей.

Слет прошел как по нотам. За посвящением в туристы последовал концерт на освещенной факелами специально приготовленной сцене, потом песни у костра, наустро – эстафеты, футбол. В общем, все по уму, как говорится.

...Прошло около тридцати лет. На очередной встрече выпускников ко мне подошел уже немолодой мужчина и сходу начал вспоминать тот самый слет. Да и как не вспоминать ему этот праздник из детства, если именно он (не зная того, конечно) доставил на поляну слета в своем рюкзаке... пудовую гирию – первый приз команде победителю.

У меня же ожила совсем другая картина. Поход приближался к финалу. Колонна школьников, растянувшись метров на сто, подходила к платформе. И тут хлынул дождь. Проливной. Старшеклассники, действуя как пастушьи собаки, загнав малышей под платформу, собрав их вокруг себя, стали показывать появившуюся на небе радугу. Солнце, дождь, подготовленная и реализованная самоорганизация... Просто-таки опьянение от успеха.

Параллельно в голове возникла другая картина. Из сегодня. На очередном педагогическом форуме руководитель системы образования одного из регионов до самозабвения гордился стопроцентным охватом SMS-оповещением родителей о местоположении и успеваемости их детей. И мне стало почему-то грустно. Должное и возможное в школе принадлежали, как я осознал в этот момент, пересекающимся плоскостям.

Н у и что? Так и слышу ропот коллег-учителей: «Дураку ясно: урок и поход вещи разные, изучение истории

не всегда случается превратить в экскурсию на место событий, все эти проектные методы занимают много времени, и всю программу, применяя новомодные педагогические изыски, не освоишь. И вообще, что вы предлагаете, уважаемый автор, – отменить школу?!

Нет, коллеги, мое потрепанное временем педагогическое сознание пока не доросло до памфлета социального модерниста, образовательного еретика Ивана Иллита⁴. Просто я прозрачно намекаю на то, что **надо потихонечку начинать стирать демаркации**

⁴ Автор скандально известной в 70-е годы книги «Освобождение от школ», переведенной на русский язык и выпущенной издательством «Просвещение» в серии «Образование: мировой бестселлер» в 2006 году.

онные линии между научением и образованием, должным и разрешенным, Учителем и Учеником. Причем не на словах, а на деле. И для этого не надо ждать новых стандартов, очередной реформы «сверху», тем более – повышения заработной платы. **Давайте для начала... просто переставим в классе парты.** ●

P.S. Советские педагоги со стажем наверняка помнят, что в культовом спорте советских граждан – фигурном катании – присутствовала обязательная программа. Строгие судьи с рулетками вымеряли радиусы восьмерок и прогибы змеек, выписанные фигуристами в звенящей тишине и при полном отсутствии зрителей. Это скучное

мероприятие спортсмены называли «школа». В ней имелись свои каллиграфы, которые подчас побеждали и в многоборье. Но зритель-то любил фигуристов артистичных, веселых, музыкальных, **работающих для него**, делающих фигурное катание тем, чем оно являлось на самом деле. Вот и заменили ее – школу фигурную – на короткую программу: театральное представление для зрителей с обязательными для исполнения техническими элементами. Было это... в 1972 году.

Не опоздали ли мы с новациями? Быть может, ваш покорный слуга в чем-то прав? А если нет, давайте всей этой болтовней пренебрежем, будем считать неудачной шуткой, спишем на День дурака.

■ реклама

КРУПНЕЙШАЯ КНИГОТОРГОВАЯ СЕТЬ В РОССИИ

Московский Дом Книги
сеть магазинов

Единственный поставщик книжной продукции с огромным ресурсом в автоматизированной системе государственных услуг
www.pgu.mos.ru

Предлагает:

- профессиональное консультирование,
- подбор необходимой литературы,
- оформление предварительного заказа,
- помощь при подготовке конкурсной документации,
- бесплатная доставка товара,
- на коллективные заказы дополнительные скидки.

ПОДАРОК КАЖДОЙ ШКОЛЕ!
Дисконтная карта для приобретения учебной литературы со скидкой!
*Акция действует только в дни школьных каникул в магазинах:

- Дом Педагогической Книги, ул. Б.Дмитровка 7/5, стр.1, т. **(495) 629-43-92**
- Московский Дом Книги, ул. Новый Арбат, д. 8, т. **(495) 789-35-91**

<http://www.mdk-arbat.ru/>